ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 11 | 2026. Volume 19. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Имперская проблематика и евразийская идентичность в романе П. В. Крусанова «Укус ангела»: сквозь призму китайских культурных кодов

Юй Линхун

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности художественного осмысления имперской проблематики и конструирования евразийской идентичности в романе П. В. Крусанова «Укус ангела» посредством анализа китайского культурного кода. В статье рассматривается роль китайских генеалогических и мифологических мотивов, имперской символики и политико-философских идей в создании образа идеального правителя и моделировании будущей Евразийской империи. Научная новизна состоит в том, что впервые определена роль китайского культурного кода в художественном воплощении имперской идеи и построении евразийской идентичности на генеалогическом, культурно-мифологическом, политико-философском и цивилизационном уровнях текста. Установлено, что китайская генеалогия и мифологические аллюзии участвуют в легитимации сверхнационального статуса Ивана Некитаева, а политико-философская традиция Китая – в моделировании сакральной власти и государственного управления. В результате доказано, что образ Китая выступает цивилизационным посредником между российской имперской традицией и будущим евразийским проектом, а китайский культурный код служит одним из средств художественного осмысления самостоятельного «третьего пути» России.

EN

Imperial issues and Eurasian identity in Pavel Krusanov's novel "The Angel's Bite": through the prism of Chinese cultural codes

Linghong Yu

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of the artistic interpretation of imperial issues and the construction of Eurasian identity in Pavel Krusanov's novel "The Angel's Bite" through an analysis of the Chinese cultural code. The article examines the role of Chinese genealogical and mythological motifs, imperial symbolism, and political-philosophical ideas in creating the image of an ideal ruler and modeling a future Eurasian empire. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, the role of the Chinese cultural code is defined in the artistic embodiment of the imperial idea and the construction of Eurasian identity at the genealogical, cultural-mythological, political-philosophical, and civilizational levels of the text. It is established that Chinese genealogy and mythological allusions contribute to legitimizing Ivan Nekitaev's supranational status, while China's political-philosophical tradition contributes to modeling sacred power and state governance. As a result, it is demonstrated that the image of China serves as a civilizational mediator between the Russian imperial tradition and the future Eurasian project, while the Chinese cultural code functions as one of the means of artistically interpreting Russia's independent "third way".

Введение

В постсоветский период кризис идентичности, подъем неоевразийского дискурса и переосмысление роли Китая актуализировали вопросы национального пути, цивилизационной принадлежности и исторической перспективы России. Как отмечают современные исследователи: «Становление геополитики в России происходило на фоне оживленных дискуссий о выборе ей пути развития» (Туровский, Колосов, 2000, с. 23).

Размышления о месте России между Востоком и Западом сопровождались переосмыслением имперского наследия и поиском моделей, способных соединить историческую преемственность с новыми формами государственного и культурного самоопределения. По мнению американской исследовательницы Э. М. Томпсон,

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260535

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

на протяжении веков русская литература служила не только инструментом укрепления национальной идентичности, но и средством обеспечения колониальных интересов государства (汤普逊 [Томпсон], 2009, с. 102-103). В постсоветской литературе обращение к имперской проблематике получает новое развитие, становясь одним из способов художественного осмысления исторического прошлого и возможных моделей будущего России.

В этом контексте представляет интерес творчество П. В. Крусанова. В 2001 году писатель стал одним из основателей литературно-философского круга «Петербургский фундаментализм» (также известного как «неофундаментализм»), участники которого выступали за возрождение глубинной культурной традиции и разрабатывали концепцию «Незримой Империи» (Незримая империя, 2005, с. 47). Идейная программа объединения обнаруживает точки соприкосновения с неоевразийскими концепциями в осмыслении имперской идеи и особой цивилизационной миссии России (Дугин, 1997). Это позволяет рассматривать имперскую тематику как одну из важных составляющих художественного и публицистического дискурса Крусанова.

Наиболее последовательное художественное воплощение имперской проблематики представлено в романе П. В. Крусанова «Укус ангела» (1999), где присутствует обилие китайских культурных кодов. Сам писатель признается, что Китай привлекает его не только экономическим потенциалом, но и историко-политическим опытом: «Мир терзают этнические и религиозные конфликты, которые Китаю-то как раз и не грозят. С учетом природной терпеливости народа этой страны, который может сто лет, из поколения в поколение, упорно желать возврата части своей некогда утраченной территории (и будьте уверены – дождется), у этого государства весьма хорошие перспективы. России следовало бы подобной настойчивости поучиться» (Крусанов, 2007, с. 275). Обращаясь к китайской истории, мифологии, политико-философской традиции и культурной символике, составляющим китайский культурный код романа, писатель тем самым вводит Китай в круг художественного осмысления имперской и евразийской проблематики.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью уточнения функций китайского культурного кода в романе П. В. Крусанова «Укус ангела» в контексте постсоветских поисков российской идентичности. В существующих исследованиях рассматриваются отдельные аспекты китайской образности, интертекстуальности и евразийской проблематики романа. Между тем их функции не ограничиваются репрезентацией Китая как культурного Другого: китайский культурный код становится одним из средств осмысления исторического пути России, моделирования государственности и конструирования евразийской идентичности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) проанализировать роль китайских генеалогических мотивов, культурно-мифологической символики и аллюзий в формировании образа Ивана Некитаева и сакрализации его власти; 2) выявить особенности художественной трансформации китайской политико-философской и военно-стратегической традиции в моделировании государственной власти; 3) раскрыть художественную функцию образа Китая в цивилизационной модели будущей Евразийской империи и осмыслении самостоятельного пути России.

Материалом исследования является роман П. В. Крусанова «Укус ангела», а также публицистические высказывания писателя, позволяющие уточнить особенности его восприятия Китая.

В ходе исследования применяются культурно-исторический метод, позволивший рассмотреть китайский культурный код романа в контексте постсоветских поисков российской идентичности и евразийской проблематики; интертекстуальный анализ, с помощью которого выявлены и интерпретированы отсылки к китайским философским и военно-стратегическим текстам и традициям; а также мотивный анализ, посредством которого определена роль китайских генеалогических и мифологических мотивов в художественном конструировании образа Ивана Некитаева и евразийской идентичности.

Теоретическую базу исследования составили работы, посвященные проблемам имперского сознания в русской литературе (汤普逊 [Томпсон], 2009), геополитической мысли (Дугин, 1997; Туровский, Колосов, 2000), мифологии (Аверинцев, 1972; Менцей, 2000) и китайской модели мира (Тань Аошуан, 2004). При интерпретации китайской политико-философской традиции привлекались классические памятники китайской мысли – «Лунь юй» Конфуция (1998), «Чжуан-цзы» Чжуан Чжоу (1995), «Военное искусство» Сунь-Цзы (2011) и «Книга закона и порядка…» Хань Фэй-цзы (2019). Учитывались также исследования художественного пространства (Торосян, 2015), мифологических мотивов (Львова, 2019) и китайских культурных кодов в «Укусе ангела» (Ли Гэн, 2022; 孔俐颖 [Кун Лиин], 2023; 刘净娟 [Лю Цзинцзюань], 2025).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при изучении современной русской литературы, российско-китайских литературных и культурных связей, а также при разработке специальных курсов, посвященных образу Китая в русской литературе и творчеству П. В. Крусанова.

Обсуждение и результаты

Китайская генеалогия и культурно-мифологическая символика в образе Ивана Некитаева

Для развития своих идей П. В. Крусанов в романе «Укус ангела» создает альтернативную историю, центральной фигурой которой становится Иван Некитаев – правитель новой Евразийской империи. Подчеркивается, что Иван обладает гибридным аристократическим происхождением: отец Никита – русский гвардейский офицер из дворян, а мать Чжан Третья – дочь китайского рыботорговца, чьи предки также принадлежали к старинному знатному роду. Двойная генеалогия наделяет героя символическим правом возглавить новую Евразийскую империю, объединяющую Восток и Запад. Как гласит предсказание оптинского старца в романе: «…новый поводырь мира, влекущий народы сквозь страх, родится между молотом России и наковальней

Поднебесной» (Крусанов, 2001, с. 265). Выступая в качестве своеобразного сверхнационального героя, Иван в итоге приобретает абсолютную власть и ведет империю к расширению могущества. Опираясь на историю рождения Ивана, Крусанов объединяет Российскую империю с Китаем, создавая «узы идентичности» (孔俐颖 [Кун Лиин], 2023, с. 83) и придавая новой империи легитимность, охватывающую оба цивилизационных пространства.

В то же время образ Чжан Третьей также имеет важное символическое значение. Она является не только матерью Ивана, но и своеобразным посредником между китайской и русской культурными традициями. В романе упоминается, что отец Чжан Третьей «славился тем, что, подбросив сазана, мог на лету вспороть ему брюхо и достать икру, не повредив ястыка» (Крусанов, 2001, с. 265). Данное описание явно отсылает к даосской притче «Повар Дин разделывает бычьи туши» (*кит.* 庖丁解牛), в которой раскрывается мысль о том, что истинное мастерство проявляется не в механическом воспроизведении операций, а в способности постигать сущностную природу явлений и действовать сообразно их внутренней логике (Чжуан-цзы, 1995, с. 74-75). Заимствуя идею «техника близка к Пути» (*кит.* 技近乎道), Крусанов переносит даосскую мудрость на род Некитаева, наполняя его семейную историю глубоким культурным смыслом и духовной преемственностью.

Культурный синтез в образе Чжан Третьей не ограничивается сферой духовной преемственности, а получает свое более глубокое мифологическое воплощение. После гибели мужа и родов, не выдержав горя, она кончает с собой, превращается в серебряную уклейку и ускользает в воду. Отмечено, что в славянской мифологической традиции вода осмысляется как граница между миром живых (Явь) и миром мертвых (Навь) (Менцей, 2000), а рыба как исконный обитатель этой стихии символически соединяет оба пространства. Вводя китайскую героиню в славянский мифологический контекст, Крусанов символически соединяет в образе Чжан Третьей две традиции, что усиливает евразийскую идентичность Ивана и сакрализует его власть как грядущего правителя новой Евразии.

Отдельного внимания в «Укусе ангела» заслуживает и старшая сестра Ивана – Таня, чье имя представляет собой многослойную культурную аллюзию. Как подчеркивается в романе, имя Таня было приятно матери, поскольку оно «созвучием напоминало ей о славной эпохе в истории застеленной лессами отчизны» (Крусанов, 2001, с. 6-7). Здесь речь идет о китайской династии «Тан». А ее китайское имя – луноликая фея Ван Цзыдэн – соединяет мотивы, связанные с образом Чанъэ (*кит.* 嫦娥) – богини Лунного дворца – и Ван Цзыдэн (*кит.* 王子登) – посланницы верховной владычицы даосских бессмертных Си-ван-му (*кит.* 西王母) (Ли Гэн, 2022, с. 114). Таким образом, на уровне имени героини китайская мифологическая традиция включается в генеалогию семьи Ивана.

Вместе с тем Таня является тайной супругой Ивана. Их союз приобретает отчетливо мифологический характер. Как отмечает К. А. Львова: «Некитаев стремится к власти, потому что государя никто не посмеет осудить за преступную связь с сестрой» (2019, с. 130). В архаических мифологических традициях мотив инцеста «связан с проявлением силы, обозначением властвующей стороны» (Торосян, 2015, с. 74); более того, он выступает признаком династической исключительности и средством сакрализации верховной власти: нарушение общепринятых табу придает правителю сверхчеловеческую природу и сакральный статус, что, по мнению С. С. Аверинцева, является «актом самообожествления» (1972, с. 99).

Особое значение в этом контексте приобретают и китайские культурные аллюзии, связанные с образом Тани. П. В. Крусанов обращается к стихотворению Ли Яньняня «Песня о красавице», сопоставляя Таню с воспетой в нем прелестницей: «Раз только взглянет – и рушится город; взглянет еще раз – и опрокинется царство» (Крусанов, 2001, с. 94). Эта аллюзия соединяет образ героини с китайской имперской традицией, где женская красота соотносится с фигурой государя и судьбой государства. Если мотив инцеста сакрализует союз Ивана и Тани посредством нарушения фундаментального запрета, то обращение к китайскому культурно-историческому коду помещает их союз в более широкий контекст имперской власти, в котором личные отношения правителя приобретают государственное и символическое значение.

Китайская политико-философская и военно-стратегическая традиция в моделировании государственной власти

Китайская имперская символика получает дальнейшее развитие в образе Ивана Некитаева. Особую роль в его художественном конструировании играют традиционные представления о «мандате Неба» (*кит.* 天命) и «Сыне Неба» (*кит.* 天子), согласно которым верховная власть обладает небесной легитимностью. На этой основе П. В. Крусанов, как отмечает Лю Цзинцзюань, творчески переосмысливает китайскую концепцию «единства святого и правителя» (*кит.* 圣王合一), создавая авторский миф о правителе-мудреце как идеальном государе будущей Евразийской империи (刘净娟 [Лю Цзинцзюань], 2025). При этом Некитаев предстает не только как сакральный правитель, восходящий к восточной имперской традиции, но и как богоизбранник «Руси небесной» (Крусанов, 2001, с. 88). С помощью православной символики – образа старца-старообрядца, обряда помазания и таинственного амулета – роман утверждает божественное происхождение его власти. Сакральный статус России дополнительно подчеркивается в метафоре романа: «Бог стоит во вселенной на одной ноге, как цапля. Россия – стопа Его» (Крусанов, 2001, с. 254). Таким образом, писатель соединяет китайскую модель сакральной императорской власти с православной традицией и русским мессианизмом, формируя культурно-философское основание легитимации будущего правителя.

На уровне организации государственной власти П. В. Крусанов обращается к конфуцианской модели «мудрого правителя и достойного сановника» (*кит.* 圣君贤臣). Согласно Тань Аошуан (2004, с. 87), отношения государя и подданного являются частью конфуцианской системы «пяти этических норм» (*кит.* 五伦), основанной

на социальной иерархии и нравственных обязательствах. Как говорится в «Лунь юй»: «Те, кто называются великими сановниками, служат государю, исходя из Дао-Пути. Если они не могут так поступать, то уходят в отставку» (*кит.* 以道事君，不可则止) (Конфуций, 1998, с. 379). Подобная модель находит художественное воплощение в отношениях Ивана Некитаева и Петра Легкоступова. Если Иван воплощает сакральную власть и мессианское предназначение правителя, то Петр олицетворяет политическую мудрость и стратегическое знание. Будучи главным идеологом имперского проекта, он обосновывает политические решения Ивана и разрабатывает стратегию будущей империи. Их взаимодействие может быть соотнесено с конфуцианской моделью функционального единства правителя и советника, которые объединены общей целью создания нового государства.

Что касается практики осуществления власти, то здесь особое значение приобретает китайская военно-стратегическая традиция, связанная с именем Сунь-цзы, которого мать Чжан Третьей «пожаловала в предки… вместе с его трактатом о военном искусстве» (Крусанов, 2001, с. 5). Тем самым фигура Сунь-цзы включается в генеалогию рода Некитаевых как символ стратегической мудрости и становится важным элементом художественного конструирования образа идеального правителя будущей Евразийской империи. Анализируя высказывание Ивана Некитаева о принципах ведения войны перед «Коллегией престолов», Ли Гэн указывает, что «в стратегических маневрах Ивана нетрудно найти связь с его китайским предшественником» (2022, с. 112).

Наряду с военно-стратегической традицией в романе прослеживаются также черты китайской этико-политической мысли легизма, основанного на принципах «фа, шу и ши» (*кит.* 法、术、势 – «закон», «искусство управления», «властный авторитет») (Хань Фэй-цзы, 2019). В политической практике Ивана Некитаева особое значение приобретают два последних принципа – «шу» и «ши»: власть правителя обеспечивается как его исключительным положением в государственной иерархии, так и умением использовать политический расчет, контроль и насилие для устранения противников. Так, Иван жестоко расправляется с лидером западников Брылиным, чье тело разрубается пополам. Не избегает наказания и Легкоступов: несмотря на прежние заслуги, после раскрытия его обмана Иван приказывает утопить его в цинковом корыте на тюремном дворе. Эти эпизоды свидетельствуют о том, что личные связи и индивидуальные заслуги подчиняются интересам государства и сохранению верховной власти правителя.

Обращаясь к китайской политико-философской традиции, П. В. Крусанов художественно перерабатывает конфуцианские, военно-стратегические и легистские идеи, соединяя их с православием, русским мессианизмом и имперской традицией. В результате китайский культурный код становится одним из ключевых средств художественного моделирования новой российской государственности – сакральной, иерархически организованной, стратегически рациональной и ориентированной на долговременное историческое развитие.

Образ Китая в цивилизационной модели будущей Евразийской империи

В романе «Укус ангела» Китай выступает еще и в роли цивилизационного посредника: он связывает историческую традицию Российской империи с ее будущим евразийским воображением, тем самым маркируя переход от имперской модели к евразийскому проекту. В футурологическом мире П. В. Крусанова Китай предстает как могущественная держава, выступающая своего рода геополитическим союзником и задающая ориентиры для новой евразийской государственности. Показательно, что слова Тани, убеждающей Ивана в необходимости союза с Китаем – «Зачем бросаться толковыми и преданными людьми? Это расточительно» (Крусанов, 2001, с. 275), – отражают принципиально новое осмысление Китая в романе. Особое место Китая в имперском проекте подтверждается и последующим развитием сюжета. После воцарения Иван проводит операцию «Термит» против США, в ходе которой «союзный Китай на этом этапе обещал действенную поддержку со стороны пятой колонны в чайна-таунах» (Крусанов, 2001, с. 337-338). Таким образом, Китай становится не просто союзником, но неотъемлемой частью политической архитектуры новой империи.

Примечательно, что в романе «Укус ангела» еще до прихода Ивана к власти существуют две влиятельные политические группировки – западники и евразийцы. Во главе первых стоит Гаврила Брылин, прозванный «Сухим Рыбаком». Его образ намеренно карикатурен и лишен героических черт: «Брылин был альбинос. Бесцветные ресницы и брови вкупе с широкой лысиной делали его лицо настолько голым, что его хотелось прикрыть. Не так, как срам, а как сыр в сырнице – чтоб не высох» (Крусанов, 2001, с. 171). А лагерь евразийцев возглавляет Иван, предлагающий альтернативный путь цивилизационного развития России. Уже в начале произведения через реплики его опекуна Легкоступова П. В. Крусанов последовательно подвергает сомнению культурное и историческое лидерство Запада. Так, Легкоступов заявляет: «Начнем с того, что Североамериканские Штаты неинтересны мне как собеседник – ведь им нечего вспомнить…», а рассуждая о живописи, иронично добавляет: «Великие британские художники придуманы британскими критиками» (Крусанов, 2001, с. 11-12). Тем самым писатель деконструирует представление о безусловном культурном авторитете Запада. По справедливому замечанию А. С. Торосян, «ирония, смешанная со стебом, создает образ жалкой западной культуры» (2015, с. 178).

Критика западоцентризма получает дальнейшее развитие в рассуждениях Петра, который заявляет, что западные либералы путают «цивилизацию с техническим прогрессом», не видя «в многотысячелетнем Китае, тысячелетней России… ничего, помимо дикости» (Крусанов, 2001, с. 179). Финальное поражение Брылина символически закрепляет отказ от западноцентричной модели и утверждает победу евразийского пути. Таким образом, традиционная для русской мысли проблема цивилизационного выбора между Востоком и Западом получает в романе новую художественную интерпретацию. При этом сюжетное противостояние западников и евразийцев может рассматриваться и как метафорическая проекция геополитических отношений России, Китая и США в 1990-е годы.

Следует отметить, что, несмотря на исключительную роль Китая в романе, отношение П. В. Крусанова к нему носит амбивалентный характер. Хотя Китай выступает важнейшим цивилизационным партнером будущей Евразийской империи, его история и культура подвергаются свободной художественной переработке. Многочисленные свободные интерпретации китайского кода свидетельствуют о том, что писателя интересует не достоверная репрезентация Китая, а его символический потенциал. Так, Иван нередко отзывается о Китае с высокомерной иронией: «Этот олух Царя Небесного заказал на зимний подкорм калифорнийского червя. Думает – рыбе мотыль уже не по чину! А если от этой холеры заморской она кверху брюхом всплывет?» (Крусанов, 2001, с. 251) Столь же показательна и вымышленная сцена с блюдом «свиные глаза», приготовленным «изощренным китайским способом»: Петр возмущенно называет это блюдо «каннибализмом», тогда как Иван с невозмутимостью отрезает себе «изрядный ломоть» (Крусанов, 2001, с. 132). Подобные детали раскрывают инструментальный характер «китайского союзничества» у писателя – союз России с Китаем обусловлен прежде всего геополитическими интересами.

Эта двойственность находит отражение и в фамилии главного героя Ивана Некитаева, которая допускает ассоциацию с отрицанием китайского начала. Подобная семантика позволяет предположить, что обращение к китайской цивилизации не означает утраты Россией собственной идентичности: несмотря на обилие китайских мотивов, Россия в романе последовательно сохраняет центральное положение в евразийском проекте. Показательна в этом отношении и история брака родителей Ивана: крещение Чжан Третьей и православное венчание символически подчеркивают доминирующую роль России в русско-китайском цивилизационном синтезе. Наиболее отчетливо эта позиция выражена в рассуждениях Годовалова. Признавая достижения китайской цивилизации, герой одновременно настаивает на самостоятельности исторического пути России: «Мы – Россия, мы – третья часть света материка Евразия. <…> Я выбираю Россию и ее третий путь» (Крусанов, 2001, с. 231).

Заключение

Так, переосмысляя китайскую историю, политико-философскую традицию и культурную символику, П. В. Крусанов включает китайский культурный код в художественное осмысление имперской проблематики и конструирование евразийской идентичности. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, китайские генеалогические мотивы, культурно-мифологическая символика и аллюзии играют существенную роль в художественном воплощении имперской идеи через образ Ивана Некитаева. Русско-китайское происхождение придает герою сверхнациональный характер, а связанные с китайской историей, мифологией и культурными ценностями образы и аллюзии участвуют в сакрализации его происхождения и легитимации власти. В результате китайский культурный код становится одним из средств художественного конструирования Некитаева как правителя, способного объединить различные национальные и культурные начала в рамках будущей Евразийской империи.

Во-вторых, имперская проблематика раскрывается через художественное моделирование государственной власти. Обращаясь к китайской политико-философской и военно-стратегической традиции, П. В. Крусанов соединяет идеи сакральности правителя, иерархической власти, приоритета государственных интересов и стратегического управления с православием и русским мессианизмом. Так формируется синтетическая модель власти, в которой китайские политико-философские представления не просто копируются, а переосмысливаются в логике изображенного в романе евразийского государства.

В-третьих, имперская идея получает цивилизационное осмысление в противопоставлении евразийского проекта западной модели развития. Китай выступает не только геополитическим союзником России, но и источником культурных и политических представлений, используемых при создании образа будущей империи.

Вместе с тем обращение к китайскому опыту не ведет к «китаизации» создаваемого мира: российское начало остается центральным в модели будущей империи. Таким образом, китайский культурный код становится одним из средств художественного переосмысления российской имперской традиции и обоснования Евразийской империи как воплощения самостоятельного «третьего пути» России.

Перспективу дальнейшего исследования представляет изучение функций китайского культурного кода в других произведениях П. В. Крусанова и его роли в художественном осмыслении имперской идеи и евразийской идентичности.

Материалы исследования | Research materials

1. Конфуций. Лунь юй / исслед., пер. с кит. Л. С. Переломова; факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Восточная литература, 1998.
2. Крусанов П. В. Все прочее – литература: сборник эссе. СПб.: Амфора, 2007.
3. Крусанов П. В. Укус ангела: роман. СПб.: Амфора, 2001.
4. Незримая империя: сборник / сост. и авт. предисл. П. Крусанов. СПб.: Амфора, 2005.
5. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве // Сунь-Цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве / пер. с кит., предисл., комм. Н. И. Конрада. СПб.: Terra Fantastica, 2011.
6. Хань Фэй-цзы. Книга закона и порядка. Советы разумному правителю / пер. с кит. А. И. Иванова; ред. Д. О. Хвостова. М.: Центрполиграф, 2019.
7. Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. с кит., вступ. ст., примеч. и указ. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995.

Источники | References

1. Аверинцев С. С. К истолкованию символики мифа о Эдипе // Античность и современность: к 80-летию Ф. А. Петровского / ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров, Т. И. Кузнецова. М.: Наука, 1972.
2. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997.
3. Ли Гэн. Культурные коды Китая в романе П. Крусанова «Укус ангела» // Отечественная филология. 2022. № 4. https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-4-110-117
4. Львова К. А. Постмодернистские схемы мифомышления в современной русской прозе: дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2019.
5. Менцей М. Славянские народные верования о воде как границе между миром живых и миром мертвых // Славяноведение. 2000. № 3.
6. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность: монография. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Торосян А. С. Евразийское пространство в романе П. Крусанова «Укус ангела» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1.
8. Торосян А. С. Мифопоэтика П. Крусанова: легенда об истинном правителе в романе «Укус ангела» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2015. № 3.
9. Туровский Р. Ф., Колосов В. А. Геополитические представления в России: возвращение к истокам или поиск нового пути? // Бородулина Н. А., Вендина О. И., Галкина Т. А., Гудков Л. Д., Заяц Д. В., Колосов В. А., Лавренова О. А., Криндач А. Д., Середина Е. В., Трейвиш А. И., Туровский Р. Ф. Геополитическое положение России: представления и реальность: коллективная монография / под ред. В. А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000.
10. 汤普逊. 帝国意识：俄国文学与殖民主义 / 杨德友译. 北京：北京大学出版社, 2009 (Томпсон Э. М. Имперское сознание: русская литература и колониализм / пер. Ян Дэйю. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2009).
11. 孔俐颖. 文学作为一种试验场：克鲁萨诺夫小说《天使咬伤》中的欧亚帝国想象 // 外国文学动态研究. 2023. № 3 (Кун Лиин. Литература как поле экспериментов: представления о Евразийской империи в романе П. Крусанова «Укус ангела» // Исследования тенденций в зарубежной литературе. 2023. № 3).
12. 刘净娟. 追寻哲人治国理想--论克鲁萨诺夫《天使咬伤》中的作者神话 // 当代外国文学. 2025. Т. 46. № 3 (Лю Цзинцзюань. В поисках идеала правителя-мудреца: об авторском мифе в романе П. Крусанова «Укус ангела» // Современная зарубежная литература. 2025. Т. 46. № 3).

Информация об авторах | Author information

RU

Юй Линхун[1]
[1] Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва

EN

Linghong Yu[1]
[1] Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow

[1] *yu_linghong@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.09.2026; опубликовано online (published online): 20.11.2026.

Ключевые слова (keywords): П. В. Крусанов; роман «Укус ангела»; китайский культурный код; евразийская идентичность; художественное моделирование государственности; Pavel Krusanov; novel "The Angel's Bite"; Chinese cultural code; Eurasian identity; artistic modeling of statehood.